
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Санкт-петербургский филиал Института востоковедения

MONGOLICA-IV

90-летию со дня рождения Ц. Дамдинсурэна посвящается

Составитель И. В. Кульганек

Санкт-Петербург
1998

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(проект № 97—04—16171)*

Mongolica-IV: Сб. ст. — СПб.: «Петербургское Востоковедение», 1998. — 112 с.

Сборник научных статей, посвященный 90-летию со дня рождения Ц. Дамдинсурэна, выдающегося монгольского ученого, филолога, писателя, переводчика, представляет собой продолжение серии, предыдущие выпуски которой были посвящены Б. Я. Владимирцову (вып. I), «Сокровенному сказанию» (вып. II), архивам русских монголоведов (вып. III).

В сборнике представлены статьи специалистов-монголоведов из различных востоковедных центров, и прежде всего — Санкт-Петербурга, с которыми была тесно связана личная жизнь и научное творчество Ц. Дамдинсурэна.

Статьи сборника находятся в русле научных интересов Ц. Дамдинсурэна: это тибето-монгольские литературные традиции, взаимодействие и взаимовлияние литератур, история литературы, теория перевода.

Mongolica-IV presents a collection of scholarly articles dedicated to the ninetieth anniversary of the birth of Ts. Damdinsuren, an outstanding Mongolian scholar who made contributions as a philologist, writer, poet, and translator. The current issue continues a series in which previous issues were dedicated to B. Ia. Vladimirtsov (Vol. I), «Sacred Tales» (Vol. II), the archives of Russian Mongolian studies scholars (Vol. III).

The articles were written by specialists in Mongolian studies from various centers of oriental studies, including Buriatia and Kalmykia. The bulk of the contributors hail from Saint-Petersburg, a city closely connected with Ts. Damdinsuren's personal life and scholarly work.

The articles develop themes which formed the core of Ts. Damdinsuren's scholarly interests: Tibetan-Mongolian literary traditions, the interaction of literatures and processes of mutual influence, the history of literature, and translation theory.

Издательство «Петербургское Востоковедение»
ЛР № 065555 от 05.12.1997
191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18

Набор — *Т. В. Чудинова*
Редактор — *Т. Г. Бугакова*
Технический редактор — *М. В. Вялкина*
Корректоры — *Т. Г. Бугакова, Н. В. Пивоваренок*

Подписано в печать 31.07.1998. Печать офсетная. Бумага офсетная
Формат 60x90 1/8. Гарнитура «Таймс». Объем 14 п. л.
Заказ №

ОТПЕЧАТАНО В РОССИИ

Тираж отпечатан в типографии Санкт-Петербургского Государственного университета

Перепечатка данного издания, а равно отдельных его частей запрещена.
Любое использование материалов данного издания возможно исключительно
с письменного разрешения издательства.

No part of this publication may be reproduced, stored in a retrieval systems
or transmitted in any form or by any means: electronic, magnetic tape,
mechanical, photocopying, recording or otherwise without permission
in writing form of the publishing house.

ISBN 5-85803-118-8

© «Петербургское Востоковедение», 1998

© И. В. Кульганек, составление, 1998

© Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения РАН, 1998

Зарегистрированная торговая марка

Содержание

Предисловие	5
А. Д. Цендина	Несколько слов о научной деятельности Ц. Дамдинсурэна 7
Л. К. Герасимович	Художественное творчество Ц. Дамдинсурэна 11

Источниковедение и историография

В. Л. Успенский	Три рукописных тома монгольского «Данджура» из библиотеки Санкт-Петербургского университета 17
З. К. Касьяненко	Некоторые исторические сведения в колофонах «Ганджура» 20
И. В. Кульганек	Рукописи и фонограмзаписи монголо-ойратского героического эпоса «Джангар» в архивах Санкт-Петербурга 23
С. В. Дмитриев	Версии коронации Чингис-хана с точки зрения политической логики. II. Ван-хан 25
А. Д. Цендина	Хасар и Чингис в летописях Мэргэн-гэгэна и Джамбадорджи 30

Из рукописного наследия. Текстология

<u>Д. Ендон</u> , А. Г. Сазыкин	Монгольская версия рассказов о пользе «Алмазной сутры» 36
Е. А. Хамаганова	Сборник «Драгоценные четки» и его место в средневековой тибетской литературе. 48
Н. С. Яхонтова	Анонимный сборник поучений 53

Литературоведение и фольклористика

Л. Л. Викторова	К вопросу о сяньбийских и киданьских фольклорных сюжетах, сохранившихся у монголов 69
Л. Г. Скородумова	О некоторых модернистских тенденциях в современной монгольской литературе 76
М. П. Петрова	Поэтическое творчество Ч. Мягмарсурэна 80
И. В. Кульганек	Стихи Марины Цветаевой на монгольском языке 85

Из архивов востоковедов

К. В. Орлова	Научный архив Калмыцкого Института общественных наук РАН 93
А. З. Хамарханов	Письма Н. Н. Поппе Т. А. Бертагаеву 103
И. В. Кульганек, Д. Д. Васильев	С. А. Кондратьев — Ц. Жамцарано 106

*Ц. Дамдинсурэн (1907—1986) — выдающемуся
ученому-монголоведу, писателю, поэту,
одному из основоположников
монгольской литературы —
посвящается*

Цэндийн Дамдинсурэн

Л. К. Герасимович

Художественное творчество Ц. Дамдинсурэна

Первые послереволюционные десятилетия в Монголии были сложными и неоднозначными. Араты в большинстве своем плохо понимали ситуацию и тем более перспективы развития страны. Образованная часть общества тоже не была единодушной в понимании и восприятии революционных преобразований, особенно в отношении будущего культурного развития.

Одна часть интеллигенции считала, что литература должна развиваться в русле неизменных традиций культурного наследия средневековой Монголии. Другие, напротив, категорически отрицали достижения культуры прошлого, считая ее профеодальной и проламаистской. Третьи предлагали, как представляется, единственно правильный путь, предполагающий творческое сочетание лучших национальных традиций с опытом мировой культуры. Именно этой точки зрения весь свой долгий писательский и научный путь придерживался Ц. Дамдинсурэн.

К началу 20-х гг. XX в. в Монголии существовало не только народное творчество, но и достаточно развитая письменная литература. Уже в 30-х гг. появились первые переводы мировой (преимущественно русской) литературы. И перед теми монгольскими писателями, начало творческого пути которых относилось именно к этому периоду, встала нелегкая задача выбрать из трех составляющих лучшее и опереться на него в своем художественном творчестве.

На пути начинающих литераторов в первые послереволюционные годы было много трудностей: не подготовленный для восприятия письменной литературы читатель, недостаточно высокий уровень образованности самих писателей, сложное экономическое и политическое положение в стране. Следствием этого было надолго сохранившееся в монгольской литературе описание фактов в ущерб их идейно-художественному осмыслению.

В середине 20-х гг. в Улан-Баторе, столице Монголии, появилась группа грамотных молодых людей, возглавивших многие государственные и общественные организации. Среди них был и шестнадцатилетний Дамдинсурэн, успешно начавший в 1924 г. свой общественно-политический путь.

Не просто грамотный, но и основательно начитанный юноша стал одним из организаторов первого литературного кружка (1929), объединившего наиболее талантливую и активную молодежь. В кружок вошли: Д. Нацагдорж, Ц. Дамдинсурэн, Б. Ринчен,

С. Буяннэмэх, Ш. Аюуш, М. Ядамсурэн и др. Практически все они стали впоследствии организаторами культурных преобразований в стране, известными и знаменитыми писателями.

Среди неперемных обязанностей кружковцев было приобщение аратства к грамотности, распространение знаний и навыков культуры. Каждый из них обязан был организовать и возглавить литературный кружок в городе или худоне. По уставу кружок имел право решать вопросы о публикации литературных произведений и приеме новых членов.

Активная жизненная позиция, неустанное стремление к знаниям нашли свой выход не только в общественной деятельности Дамдинсурэна, но и в весьма успешных занятиях литературой. Он стал первым монгольским писателем новейшего времени, сделавшим героем своих произведений простого арата, человека, внешне ничем не приметного, но обладающего большим духовным потенциалом. Еще очень молодым Дамдинсурэн сумел понять, что каждый человек по-своему неординарен и готов совершить важные, ответственные поступки, способные кардинально изменить его судьбу.

Обычного и привычного героя-богатыря, героя-хана, героя-бурхана сменил герой-просто человек, близкий и понятный любому читателю. И оказалось, что этот обычный человек так же интересен и значителен, как известные по преданиям и легендам герои. Своего истинного героя Дамдинсурэн нашел не среди богатырей битв и сражений, а среди тех, кто был особенно унижен и обездолен.

В этом и есть принципиальное новаторство Дамдинсурэна, определившее его основополагающую роль в становлении современной монгольской литературы.

Очень важной для будущего развития монгольской литературы явилась публикация в 1929 г. повести Ц. Дамдинсурэна «Отвергнутая девушка» («Гологдсон хуухэн») [1, 42]. Знаменательным было уже само по себе появление в конце 20-х гг. (при общей неразвитости литературы) произведения именно прозаического жанра.

Некоторое объяснение этому дал в личной беседе с автором статьи сам Ц. Дамдинсурэн. Он рассказал, что смолodu интересовался художественной литературой, читал не только памятники средневековой монгольской литературы, но и многочисленные переводы с китайского. Форма некоторых китайских сочинений привлекла его внимание. Это были повести с

четким делением на главы и обязательным стихотворным резюме в конце каждой из них. Именно в этом жанре и решил попробовать себя молодой писатель. Результаты были неожиданно успешными — «Отвергнутая девушка» надолго осталась хрестоматийным произведением.

Было ново и неожиданно, что своим первым литературным героем Дамдинсурэн сделал женщину, простую батрачку, забитую и бесправную, отвергнутую людьми и самим бурханом. Женщину, прошедшую путь унижений и обид, но не сломленную и, вопреки предсказанной судьбе и обстоятельству, ставшую свободным и достойным человеком. На обложке отдельного издания повести была изображена молодая монголка, произносящая с трибуны речь. На трибуне лозунг: «Свободу женщине!»

Автор не сумел (да и не мог суметь) изобразить сложный процесс становления характера героини, ограничившись лишь констатацией факта ее внутреннего перерождения. Однако сама идея показать через образ литературного героя высокий порог человеческих возможностей была для того времени новой и весьма перспективной. Именно в период безвременья важно было убедить людей в том, что в их силах изменить данность.

Отвергнутая обществом девушка, прошедшая через бедность и оговор, оказалась несломленной душой, сумела выпрямиться и стать вровень со своими более удачливыми сверстницами. Читатель был лишен возможности следить за этапами распрямления героини, он узнавал лишь конечный результат, но и этого было достаточно, чтобы поверить в возможность действительных, а не сказочных перемен.

Уже в первом (1929), не ставшем заметным, литературном опыте Дамдинсурэна — стихотворении «Гелюн и его жена» («Гэлэн ба гэргий») [2, 164] — ощущается присущая всему его творчеству связь с национальными художественными традициями. Стихотворение о ламе и унижающей его сожительнице было написано в фольклорной форме диалога, а обличительный пафос уходил корнями в монгольскую литературу XIX в.

Органическая связь с фольклором и литературной традицией не просто констатировать факты, но давать им достаточно нелицеприятную оценку отчетливо прослеживается и на примере повести «Отвергнутая девушка». Следует подчеркнуть, что критикуемые явления писатели XIX в. объясняли не порочностью политической системы, а нерадивостью чиновников и феодалов, пренебрежением, проявляемым ламами относительно принятых духовных обетов. Писатели думали, что процветание и порядок в стране можно установить путем нравственного совершенствования правителей, отречения их от пагубных заблуждений.

В полном соответствии с этой традицией и изобразил отрицательных героев Дамдинсурэн. Его повесть не претендовала на кардинальные оценки политического строя Монголии. Но и государственный чиновник, и лама, и богатый хозяин представлены в повести людьми безнравственными, бесчеловечными, способными ради собственных интересов пожертвовать жизнью зависимого от них человека. Героиня повести страдает не столько от бедности, сколько от сознания собственной отверженности, внушенной ей ее хозяевами.

Многое связывало «Отвергнутую девушку» и с фольклорными традициями. В повести использованы мотивы монгольских сатирических сказок (как арат одурачил жадного чиновника). Следуя фольклорной традиции, Дамдинсурэн подробно описывает внешний вид коня, не упуская при этом ни одной чер-

точки его красивого сильного тела. Многие художественно-изобразительные средства почерпнуты писателем из устного творчества, это и отрицательные сравнения («Тот, кто угнетает низших и бедняков — лютый волк», «человек-клещ»), и литоты («юртенка величиной с корзинку», «аргал величиной с селезенку»), и метафоры («вдоволь напились из моря страданий»).

Идея, заложенная в «Отвергнутой девушке», получила свое дальнейшее развитие в поэме «Моя седая мама» («Буурал ижий минь») [1, 40]. Поэма написана в 1934 г. в форме письма к матери. Молодой арат, уехавший учиться в Ленинград, рассказывает матери о жизни новой для него страны, делится впечатлениями, соотносит свои наблюдения с реалиями родной страны, размышляет о долге, цели жизни.

Поэма стала новым этапом творческого пути писателя. Если в «Отвергнутой девушке» Дамдинсурэн лишь констатировал возможности человека, то в поэме попытался уже раскрыть внутренние побуждения героя. Впервые в монгольской литературе был представлен человек, раскрывающий перед читателем свой внутренний мир, свои мысли и чувства. Форма письма к матери, самому близкому для монгола человеку, исключала фальшь и лицемерие. Герой со всей искренностью писал о том, что действительно его волновало и тревожило, радовало и огорчало. Из этой мозаики чувств вырисовывался облик юноши, равнодушного к общественным ценностям, умеющего помнить добро, великодушного и отзывчивого.

Форма поэмы не обезличивала героя, а помогала ему анонимно раскрыть свой внутренний духовный мир. Сюжет поэмы составляли не действия героя, а внутренний процесс его развития и становления как личности.

В поэме широко использованы мотивы дореволюционных монгольских песен о разлуке с родным кочевьем. Однако тема эта переосмыслена и обогащена новым идейным содержанием. Духовный мир сына и матери резко отличен от чувств и настроений героев старых песен, страдающих в разлуке с домом и семьей. Молодой человек, уехавший от родного очага, изображался обычно безнадежно отчаявшимся, не верящим в благополучное возвращение домой. Герой поэмы «Моя седая мама», напротив, счастлив тем, что увидел новые интересные места, познакомился с новыми людьми. Он знает, что непременно вернется в родное кочевье и встретится с родными.

Несколько смещены акценты и в традиционном образе матери героя. Отдельные строки поэмы о ее чувствах и переживаниях чрезвычайно близки к дореволюционным семейным песням:

Народная песня

Чернеющая скала
С дорогою по низу своего косогора.
Любезная моя маленькая матушка
Сидит вздыхаючи.
Синеющий хребет
С дорогою на своем перевале.
Болезная моя матушка
Сидит вздыхаючи.
Моя матушка,
Приближающаяся к смерти,
Сидит, вспоминая с любовью.
Моя матушка седовласая
Сидит, раздумывая,
Назначая сроки [3, 109, 111].

Моя седая мама

С утра до вечера глядывается
 В дальние долины
 Через густой чернеющий туман
 И в перевалы гор
 Под медленно кочующими облаками.
 И день и ночь все думает, скорбит,
 Во сне о встрече грезит.
 Проснется — все думы лишь о нем.
 Моя бедная, оставшаяся далеко мама
 Жалеет и любит меня.
 Моя матушка седовласая
 О сроке встречи думает [1, 27].

Если основное, что характеризует образ матери в дореволюционных песнях, — тоска в разлуке с сыном, усталая, бессильная покорность перед случившимся несчастьем, то в поэме «Моя седая мама» Дамдинсурэн пусть не прямо, а отдельными, подчас достаточно глухими намеками, но все же подчеркивает и другое отношение матери к разлуке — гордость успехами сына, веру в его будущее.

Речь героя поэмы служит автору основным средством психологического раскрытия внутреннего мира, отношения к окружающей действительности. Так, в словах, обращенных к матери, это нежный и любящий сын, тоскующий в разлуке с домом. Говоря о матери, он употребляет множество ласковых обращений к ней, каждое из которых имеет новый оттенок. Там, где поэт хочет выразить сыновью любовь, почтительность и уважение, он использует слова «прекрасная, родившая меня мать», «милостивая мать», в особенно лирических, задушевных строках — «моя седая матушка», «бедная покинутая мама».

В споре с теми, кто хочет жить по старинке, герой выступает как умелый полемист, убежденный в собственной правоте. Он зло высмеивает пассивность, равнодушие, ограниченность, речь его насыщена гневом. Риторические вопросы и восклицания оживляют ее, сближают с разговорной речью:

В наше время мужчиной быть
 И сидеть всю жизнь дома?
 Любое дело кончать словами:
 «Не стоит, не нужно!»
 Не знаю, не могу!» [1, 43]

До самого конца своих занятий литературой Дамдинсурэн сохранил неизменный интерес к внутреннему миру человека, особенно к его нравственным и моральным ценностям.

Написанные в 1944 г. повесть «Изменившаяся Соли» («Солийг сольсон нь») [1, 288] и в 1945 г. рассказ «Учитель и ученица» («Багш шавь хоёр») [1, 312] связаны между собой одной идеей и логически дополняют друг друга.

Соли — простая неграмотная аратка, брошенная ушедшим в армию мужем. Но душа ее «словно высокая гора: вершины ее достичь нелегко, она как океан: дна его не достичь». Соли от природы possesses собственное достоинство, стремление к совершенствованию, отсутствие страха перед трудностями. Все это помогает ей не просто пережить предательство мужа, но обернуть его собственной победой над жизненными обстоятельствами. Растерявшийся муж встречает бывшую жену неузнаваемо изменившейся. Эта красивая, статная, уверенная в себе женщина сумела и без мужней поддержки найти свой жизненный идеал и вырастить ребенка. Сила характера Соли проявилась именно в борьбе за утверждение себя как самостоятельной и незаурядной личности.

Героиня рассказа «Учитель и ученица» Цэцэгма (в переводе «цветок»), напротив, тщеславна и легкомысленна, все ее добрые устремления разбиваются при первой же неудаче. Она презирает повседневный, будничный труд, но одновременно мечтает чем-то отличаться и выделиться. Для осуществления этого желания она не хочет делать никаких усилий, признание должно прийти, по ее представлениям, само собой. Цэцэгму привлекает внешняя сторона успеха: всеобщие похвалы, внимание. Награда для нее не стимул, а самоцель, нечто вроде украшения, которым можно похвастаться перед подружками.

Цэцэгма едет в город, потому что жизнь там кажется ей легкой, а учеба представляется одним из наименее трудных средств осуществления мечты. Но как только становится очевидным, что и учение требует долгого и серьезного труда, Цэцэгма отступает. Праздная жизнь приводит к развитию худших черт ее характера — эгоизма, мелкого тщеславия, неразборчивости в личной жизни.

Ц. Дамдинсурэн очень удачно подчеркивает и внешние изменения, происшедшие в облике обеих героинь. Соли словно выросла и распрямилась, взгляд ее приобрел твердую и спокойную уверенность. Цэцэгма в начале рассказа — молодая красивая девушка, похожая на яркий, только что распустившийся цветок, к концу же это стареющая, раздобрившая женщина с дряблыми мускулами и нездоровой кожей. Вся она теперь словно «цветок, затоптанный ногами прохожих и прибитый уличной пылью».

Неизменно доброжелательный к своим героям, писатель в конце творческого пути все чаще обращается к отрицательным героям. Юношески романтическая увлеченность людьми сменяется трезвым взглядом зрелого человека, понимающего всю сложность человеческой природы, которой в равной степени свойственны и добро, и зло, и равнодушие.

В рассказе «Учитель и ученица» героиня сама добровольно исковеркала собственную жизнь, и от этого пострадала она одна. В рассказах «Черт» («Чөртөр») [1, 364] и «Вещи в чемодане» («Чемодантай юм») [10, 404], написанных в середине 60-х гг., разрушительная сила зла калечит судьбы и души других людей.

Дормэд из рассказа «Черт» — средоточие всех пороков и безнравственных поступков. Внешне это вполне благопристойный человек: живет в современно обставленной квартире, пишет книги о семье и браке. Но в отношениях с людьми даже черт по сравнению с ним выглядит безобидным шутником. Дормэд — растлитель своей ученицы, сломавший ее морально и физически, подлец, бросающий совращенных им женщин и тяжелобольных детей.

Цэзма («Вещи в чемодане») исповедует лишь культ богатства. Внутренний запрет на зло в ней абсолютно отсутствует. Ради тряпок и денег она предает и друзей, и любящих ее мужчин. Для Цэзмы морально все, что не противоречит ее интересам. И даже слезы после неудачной попытки отбить у подружки мужа — не слезы раскаяния, а слезы досады и злобного бессилия.

Однако и в этих рассказах Дамдинсурэн, по сути дела, не изменяет своей человеческой и писательской концепции. И Дормэд, и Цэзма в конечном счете терпят моральное поражение, их безнравственные действия разоблачены, и осуждением их становится всеобщее презрение.

Добрые силы, вступающие в противодействие с ними, одерживают нравственную победу и восстанавливают попорченную справедливость: жена сохраняет мужа, изнасилованная девушка с помощью друзей излечивается от своих недугов.

Дамдинсурэн любит метафоры и часто прибегает к ним. Красавицу Цэзму он сравнивает с искусно

сделанной, но зловонной урной для отбросов. Дор-мэд — черт в человеческом обличье. Его фонарик и горящая папираса ночью напоминают зловещее мерцание нечистой силы.

Поэтическое творчество Дамдинсурэна, особенно в 30-е гг., пронизано глубоким оптимизмом, и этот оптимизм имел для монгольской литературы качественно новое значение.

Большинство писателей этого периода сосредоточивали свое внимание на критике феодальной Монголии, резко отрицании всего того, что мешало преобразованию страны. Именно путем отрицания стремились они к утверждению новой, современной действительности.

Оптимизм поэзии Дамдинсурэна стимулировал активность общественного сознания, призывая не разрушать, а созидать. Светлым, радостным настроением наполнено большинство стихов этого времени. Художественные средства, язык, композиция — все способствует их оптимистическому звучанию. Празднична и ликующа природа. Сочетание зеленого, красного и синего цветов создает живую пеструю картину. Весело журчит вода в источнике, поют птицы, доносятся звуки хура. Все вокруг наполнено радостью жизни, все растет, расцветает, движется: бьет источник, образует ручьи, ручьи вливаются в реки, распускаются цветы, созревают плоды, колышутся ветви деревьев («Пионерский лагерь», «Двухлетняя Роза») [1, 21, 52].

И интимная лирика Дамдинсурэна посвящена светлой, разделенной человеческой любви. В стихотворении «Самое прекрасное растение» («Ургамлын сайхан нь») [1, 52] несколькими выразительными строками поэт воссоздает образ юной жизнерадостной девушки: ее красота, страстность души, доброта привлекают сердце каждого человека.

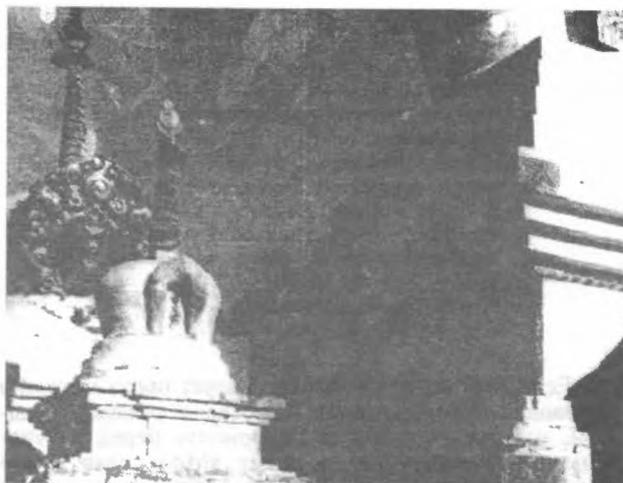
Исследователи дореволюционной монгольской лирики отмечали, что любовные песни монголов «более подозрительны, чем веселы доверием и любовью», в них звучит «грусть и раздумье влюбленного певца», они проникнуты неуверенностью и постоянным страхом влюбленных за свое счастье [1, 112].

Интимная лирика Дамдинсурэна («Любовь», «Богиня вод»), напротив, исполнена радостью и уверенностью в своем праве на счастье. Даже пейзаж, окружающий влюбленных, подчеркивает переполняющее героя чувство: светлый солнечный день, яркие краски, среди которых преобладают золотистые тона. Огненное солнце, сверкающее от солнечных лучей море, присутствие любимой женщины — все

Ц. Дамдинсурэн с семьей
Слева направо: Мария Львовна (свекровь), Лева, Костя,
Миша (сыновья), Любовь Владимировна (жсма). 1950 г.
Ленинград

(из личного архива семьи А. В. Бурдукова)

Ц. Дамдинсурэн с женой Любовью Владимировной
в Эрдэни-Дзу. 1951 г.

(из личного архива семьи А. В. Бурдукова)

это создает праздничный, приподнятый фон, атмосферу ликования («Янаг», «Усан дагина») [1, 49, 50].

Все 30-е годы Дамдинсурэн учился в Ленинграде, где обрел не только знания, но и семью, множество друзей, на всю жизнь сохранивших к нему самые добрые и уважительные чувства. Дамдинсурэн был благодарным человеком, он никогда не забывал своих русских друзей, на верность отвечал верностью. И наконец, поэтому с особой остротой, как личное горе, воспринял события второй мировой войны.

Страдания ставшего ему родным народа не могли оставить Дамдинсурэна равнодушным сторонним наблюдателем. В самые трудные годы он писал в своих стихах о неизбежной победе над германским фашизмом. С Полярной звездой сравнивал поэт Ленинград («Полярная звезда»). Сегодня, писал он, собачья свора Гитлера сбрасывает на легендарный город разрушительные бомбы, но враг будет повержен и побежден [1, 70].

Краса земной звезды Полярной
Не будет сломлена врагом,
Покуда светится другая
Звезда на небе голубом [4, 48].

Дамдинсурэн прямо не писал о своих творческих принципах и исповедуемых идеалах. Однако опосредованно он сказал об этом в своем знаменитом стихотворении «А. С. Пушкин» [1, 64]. Наиболее близкими у русского поэта для него оказались идеи свободы и служения высоким идеалам. Дамдинсурэн, всю жизнь стремившийся к совершенству формы своих произведений, восхищался выразительностью, простотой, мелодичностью и огромной силой эстетического воздействия пушкинского стиха.

Творческая активность Дамдинсурэна была особенно высокой в 30-е гг. К 60-м гг. научные интересы полностью поглощают его литературные занятия. В последние годы Дамдинсурэн пишет редко и мало — один-два рассказа в год. Многое меняется в его мировоззрении, но неизменным остается интерес к человеческой натуре.

С разной степенью интенсивности Дамдинсурэн занимался литературным творчеством около сорока лет. Писал прозу, поэзию, очерки, художественную публицистику. Без его художественных произведений немислимо понимание пути развития всей новейшей монгольской литературы, особенно на начальном эта-

пе ее развития. К сожалению, не все литературоведы и критики в достаточной степени оценивают творческий вклад Ц. Дамдинсурэна.

Дамдинсурэн был не просто одним из активно за- явивших о себе в 30-е гг. писателей, именно его художественное творчество на многие годы определило целое направление новейшей монгольской литературы.

Дамдинсурэн первым из монгольских писателей сделал героем своих произведений человека больших внутренних возможностей, способного, если это понадобится, кардинально изменить себя и свою жизнь. Именно акцент на активное начало человеческой натуры был особенно важен для самоутверждения и самораскрытия духовно укрепленного аратства. Такого героя монгольская литература не знала и появлением его обязана именно Дамдинсурэну.

В произведениях Дамдинсурэна не было глубокого психологизма, но именно он первым изобразил не просто поступки людей, но и внутреннюю мотивацию их действий. Огромная заслуга писателя Дамдинсурэна в том, что он понял самое существенное — именно человек, со всей гаммой его чувств и переживаний, есть главный и единственный объект художественной литературы. И пусть сам писатель в силу абсолютно объективных причин не всегда в полной мере воплотил в своем творчестве этот художественный принцип, важно, что он исповедовал его и пытался применить в большинстве своих произведений.

Существенным для становления новейшей монгольской литературы было и утверждающее начало в творчестве Дамдинсурэна. Он одним из первых сформулировал в образах своих положительных героев принципы общественных и нравственных идеалов. Далеко не все из этих героев были многомерны. Важно, что они олицетворяли редкое по тем временам активное положительное начало. Именно эти особенности художественного творчества Дамдинсурэна дают веское основание отнести его к числу тех писателей, которые в сложнейший период политической и культурной жизни Монголии закладывали основы и определяли дальнейший путь становления новейшей литературы монголов.

Последние тридцать с лишним лет своей жизни Ц. Дамдинсурэн занимался наукой. Отдав дань со-

временной теме в художественном творчестве, свои научные исследования он посвятил изучению национального культурного наследия. Его многочисленные статьи и монографии объединены общей идеей: место, значение и величина вклада монголов в общий процесс культурной жизни народов Востока¹.

Дамдинсурэн вряд ли разделял точку зрения некоторых теоретиков, убежденных — и стремящихся убедить в этом других, — что средневековая монгольская литература — результат влияния более развитых восточных литератур. Не отрицая самого факта влияния, уважительно относясь к культурным достижениям соседних народов, он оставался убежденным сторонником самоценности национальной монгольской культуры.

Обоснованно и убедительно Дамдинсурэн доказывал, что большое количество памятников, написанных на тибетском языке, принадлежит ареалу монгольской литературы, является ее национальным достижением. Говоря, в частности, о «Рамаяне», он пишет: «Все три рассказа на тибетском языке составляют неотъемлемую часть монгольской литературы, поскольку тибетский язык широко распространен в Монголии и входит в традиционную систему монгольского образования» [5, 24].

Дамдинсурэн не преувеличивал, но и не преуменьшал культурных достижений своего народа. Лучшим доказательством факта существования развитой национальной литературы служит составленная и изданная Дамдинсурэном антология монгольского фольклора и литературы «Сто образцов» [6] во всем многообразии их идейно-тематического содержания и жанрового состава.

Глубокое уважение Дамдинсурэна к культурному наследию своего народа сочеталось с не менее уважительным отношением к литературам тибетского, индийского, китайского и русского народов, в разной степени оказавшим влияние на развитие и углубление литературного процесса в Монголии. Будучи настоящим ученым, Дамдинсурэн понимал, что сочетание традиций и опыта мировой культуры может способствовать дальнейшему развитию национальной литературы как составной части общемирового культурного процесса.

Дорогой товарищ Л. К. Герасимович!
 Я еще торчусь в Москве. Теперь скоро уеду (наверное, в следующую пятницу). Седьмого состоялось совещание у Жукова монголистов-историков. Нацагдорж и я сделали замечания на новый вариант истории МНР. Наши замечания приняты. «Только сверху падает, только созданное разрушается», — философствовал я. Монголисты писали историю монголов в непрерывных упадках в течение тысячелетия. Монгольское общество в течение тысячелетия не катилось по наклонной плоскости, а двигалось по зигзагообразной горизонтальной или, вернее, по зигзагообразной восходящей линии. Нужно показать упадки производ[ственных] сил, но надо рассказать некоторые подъемы и прогресс. Вот о чем я говорил там. Но я уверен в том, что из меня не выйдет хорошего историка. Хочу писать рассказы. Мой рассказ «Бух Гомбо» напечатан в «Цог». Но я не увидел их.
 С горячим приветом
 Дамдинсурэн. 9/IV/1954 г.

Дорогой товарищ Л. К. Герасимович!

Я еще торчусь в Москве. Теперь скоро уеду (наверное, в следующую пятницу). Седьмого состоялось совещание у Жукова монголистов-историков. Нацагдорж и я сделали замечания на новый вариант истории МНР. Наши замечания приняты. «Только сверху падает, только созданное разрушается», — философствовал я. Монголисты писали историю монголов в непрерывных упадках в течение тысячелетия. Монгольское общество в течение тысячелетия не катилось по наклонной плоскости, а двигалось по зигзагообразной горизонтальной или, вернее, по зигзагообразной восходящей линии. Нужно показать упадки производ[ственных] сил, но надо рассказать некоторые подъемы и прогресс. Вот о чем я говорил там. Но я уверен в том, что из меня не выйдет хорошего историка. Хочу писать рассказы. Мой рассказ «Бух Гомбо» напечатан в «Цог». Но я не увидел их.

*С горячим приветом
 Дамдинсурэн. 9/IV/1954 г.*

Примечания

1. Полемизируя с распространенным в прошлом в историографии представлением об истории монголов как непрерывном упадке, Дамдинсурэн в 1954 г. писал автору данной статьи: «Монгольское общество в течение тысячелетий не катилось по наклонной плоскости, а двига-

лось... по зигзагообразной восходящей линии. Говорить об упадке производительных сил надо, но необходимо рассказать и об их подъеме, прогрессе». Текст письма приводится выше.

Литература

1. Дамдинсурэн Ц. Туувэр зохиол. Улаанбаатар, 1969.
2. Уран угсийн чуулган. Улаанбаатар, 1929.
3. Позднеев А. Образцы народной литературы монгольских племен. СПб., 1880. Вып. 1.

4. Дамдинсурэн Ц. Избранное / Пер. Л. Гумилева. М., 1958.
5. Дамдинсурэн Ц. «Рамаяна» в Монголии. М., 1979.
6. Mongrol uran Jokiyaal-un degeji jarun bilig orusibai. MCMLIX. Улаанбаатар, 1959.